

**К ПОНИМАНИЮ КОНЦЕПТА «ЮРТА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч. АЙТМАТОВА И
Б. КАНАПЬЯНОВА)**

Когай Э.Р.

*(Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан)*

Резюме: В статье на материале произведений Ч. Айтматова, Б. Канапьянова, данных этнографического характера, фольклора анализируется концепт «Юрта».

Ближайшее пространство человека – его жилище. «Дом – макет мироздания, национальный космос в уменьшении... Устройство жилища, с одной стороны, есть отпечаток, отражение космоса вокруг нас; дом строится как схема того, что человек видит вокруг, так что по дому можно изучать воззрение народа на мир: как он его понимает» [1, 12].

Невозможно представить быт кочевников с его особым укладом жизни без традиционного жилья – юрты. Так, в стихотворении современного казахстанского поэта Б. Канапьянова «Вдоль горной речки на коне...» юрта становится важной приметой образа жизни как древнего тюрка, так и его потомков [2, 126]. Слово «юрта» восходит к тюркскому «юрт». В «др.-тюрк. jurt – «дом, владение, место жительства, земля, страна», тур., чаг. и др. jurt – «место жительства, стоянка, жилище», «страна». Исходное значение тюркского слова было, вероятно, «территория, необходимая для кочевья, выпаса скота» [3, 718].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, включающего данные исторического и этнографического характера, содержатся следующие сведения: «юрть – владение, область, земля, государство // юрть или юрта у башкир, что у калмыков улус, а у киргизов уру, род, одноплеменные кочевники, с землею своею // юрта, кочевой шалаш, балаган разного рода, название это дано русскими с монгольского юрта, у калмыков, киргизов, башкир крыта войлоком (кошмой), кибитка» [4, т.4, 669].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указано, что слово «юрт» заимствовано «из тюркского, ср. тур., чагат., тел., кыпч. jurt – «место жительства, стоянка, жилище», алтайского jurt – «страна, государство, народ», татарского jurt – «двор со строением» [5, т.4, 534].

Наиболее общим значением общетюркского слова «jurt» является «народ», а также — «пастбище», «родовая земля». В киргизском и казахском языках слово «Ата-Журт» означает «Отечество», синоним слова «Родина», дословно «Отцовский дом» (Ср. каз. пословица «Ескі жұрттың қадірі көшкенде білінер, ер жігітің қадірі өшкенде білінер», т.е. «Лишь после переезда узнаешь цену старому жилищу, лишь после смерти узнаешь цену доброму джигиту»).

В современном монгольском языке слово «юрта» («гэр», «эсгий гэр») синонимично слову «дом». В современном казахском и киргизском языках

словом «юрта» обозначается не просто дом, а особый передвижной сборно-разборный вид жилища. Конструкция юрты удивительно проста и рациональна. Она достаточно подробно описана в этнографической литературе [6, 7]. Юрта («уй», «кииз уй») собирается из деревянного каркаса и кошомного или войлочного покрова. Складной деревянный каркас юрты состоит из трех частей: «кереге» (решетчатый остов), «уык» (жердь, подпирающие верхний круг), «шанырак» (верхний круг) – каждая из которых составляет определенный уровень по вертикали. Снаружи юрта окутывается войлоком. Отсчет времени суток, месяца, года тюркскими народами велся по солнцу, отсюда пропорции дымника, количество жердей, высота решетчатых стен и всей юрты. Эти сведения закодированы в киргизской загадке о частях юрты: уыке, тундуке и нижнем крае кереге: «Жетмиш кемпир жер тишдейт. Алтмиш кемпир ай тишдейт», то есть «Семьдесят старух землю зубами грызут. Шестьдесят старух зубами луну кусают» [8, 260].

Устройство юрты и ее пропорции подчинены ритму движения солнца. Внутренняя планировка юрты условно делилась на двенадцать частей, соответствующих двенадцатимесячному циклу календаря. Именовались эти части по названиям месяцев [8]. По месту падения солнечного луча в юрте кочевник знал точное время дня. Внутреннее убранство юрты также отражало особенности уклада жизни кочевника. В ней четко разделялась левая и правая половины. Левая сторона – мужская, по ней соответственно размещались мужские принадлежности: седло, уздечка и другие предметы наездничества и скотоводства. Правая сторона – женская, на ней находились посуда, кровать хозяйки дома. В таком разделении четко проявляется пространственная оппозиция «правый–левый», связанная с двоичной системой ориентации по сторонам света «запад–восток», то есть с культом солнца. Культ солярных явлений был широко распространен среди древних кочевых народов Центральной Азии, о чем свидетельствуют мифы, например, миф о четырех Солнцах, миф о Вороне, встречающем солнце, традиционные праздники и обряды, например, Наурыз.

В центре юрты размещался очаг. По мнению археологов и этнографов, размещение очага в центре является древней устойчивой традицией кочевого жилища. Кроме практического значения, домашний очаг издревле у всех языческих народов мира был объектом поклонения и занимал большое место в магических обрядах, видимо, потому, что считался вместилищем огня. Культ огня был известен практически всем народам, в том числе и тюрко-монгольским. Огонь не только очищал и охранял от всего вредоносного, но и был покровителем человека, семьи, детей, даровал счастье, благополучие, потомство. А потому огню (и его вместилищу – очагу) приносили жертву салом, жиром, молоком. Так, например, среди киргизов распространен обряд «отко гирды» (буквально «вошел в огонь»), который совершался при первом приезде новобрачной в дом мужа. Бросая сало, жир, молоко в очаг, она как бы просила защиты, покровительства у духа огня в новом доме и тем самым приобщалась к роду мужа [8, 63]. Другой обряд был связан с первым разведением огня в юрте молодоженов, его нельзя было заимствовать у

соседей. Поскольку огонь считался покровителем семьи, его нельзя отдавать или брать взаймы, иначе из дома, который дал огонь, уйдет благодать [8, 60]. Запрещалось прыгать через очаг, плевать, лить воду в него.

Другое сакральное место в юрте – дымовое отверстие. По сведениям известного этнографа XIX века Ф.А. Фиельструпа, казахи выбрасывали через дымовое отверстие в юрте молодоженов обглоданную шейную кость жертвенного барана (у киргизов выбрасывалась вся голова барана), чтобы дым хорошо выходил из юрты, что должно способствовать неугасанию очага. Таким путем совершалось принесение жертвы дымоходу. Среди казахов было принято подвешивать недоношенных детей к дымовому отверстию, надеясь, что духи предков помогут ребенку выжить [9, 70].

Символическое значение имеет шанырак. Это символ дома, домашнего очага, продолжения рода. Не случайно шанырак изображен на гербе современного Казахстана. Шанырак был семейной реликвией, передавался из поколения в поколение (да и сама юрта передавалась по наследству младшему сыну и получила названия «кара чамгарак» (буквально «черный чамгарак») и «чон уй» (буквально «большая юрта»), то есть отцовская юрта, наследственная юрта [8, 64]. Кара шанырак юрты отца почитался сыновьями как святыня. Сохранился обычай приглашать старого, многодетного зятя для того, чтобы он поднял шанырак для молодой семьи, а затем одаривать его за выполненную работу.

Еще одна сакральная часть жилища – столб в центре юрты, «символизирующий священное дерево, Мировое дерево, которое передает идею жизни, благополучия, помогает родить и выкормить детей» [8, 89].

С юртой была связана вся жизнь кочевника. Юрта была не только элементом материальной культуры кочевых народов, она отражала и их миропонимание. В форме, конструкции, пропорциях этого древнего вида жилища отразилась картина мира кочевника. Мягкая округлая форма юрты органично вписывается в степной ландшафт, не нарушая естественного единства человека и природы. Возвышаясь над поверхностью земли, на бескрайнем пространстве степи, она хорошо видна и символизирует Мировую гору, основу основ мироздания. Организация внутреннего пространства жилища не только рациональна и удобна, но и отражает мировой порядок. Ее обустройство организовано в соответствии с представлениями о высшем порядке, с вертикальной и горизонтальной структурами. Округлая полусферическая форма юрты повторяет закругленную линию купола неба, относящегося к внешнему миру. «Геометрически простой внешний вид и форма юрты (круг), подчеркнутые видимым издали ярким орнаментом на куполе, являют собою горизонтальную и вертикальную модель Вселенной» [10, 75]. Юрта – сакрализованный центр, на периферии которого располагается остальной мир. Кстати, характерная плавная полусферическая линия повторяется в курганах, куполах мавзолеев и мазаров.

Юрта – центр земного пространства тюрка. В сказках юрта служит точкой развития сюжета, из юрты герой уходит в начале повествования, а в

конце возвращается в свою юрту или находит новую, например, казахские народные сказки «Ер-Тостик», «Великан Алпамыс», «Суд бия Бальтекея» [11].

В современной художественной литературе Центральной Азии юрта – также неперенный атрибут не только жизни древнего кочевника, но и современников писателей. В повести киргизского писателя Ч. Айтматова «Верблюжий глаз» жизнь главного героя паренька Кемеля, приехавшего по комсомольской путевке работать в степь Анархай, как и жизнь его предков, скотоводов-кочевников, протекает в юрте. Все важные, значимые события, определяющие его дальнейшую жизнь, происходят в юрте: «В юрте стало совсем тихо. Только костер потрескивал с тонким посвистом» [12, 182]; «Вечером, когда все стали укладываться спать, я вышел из юрты и направился к роднику» [12, 191]. Из юрты он каждое утро уходит на работу, в юрту он каждый вечер возвращается после трудового дня. В юрте он получает первые уроки взрослой жизни, в непростых взаимоотношениях со своим напарником, циничным и озлобленным на весь мир Абакиром. В юрте он понимает, «что никто никому не в силах запретить думать, желать, мечтать» [12, 190]. В юрте он осознает приход первой любви. В юрте он мечтает, как однажды расцветет прекрасная степь Анархай.

Традиционный уклад жизни киргизов, казахов невозможно представить без юрты. И юный герой повести Ч. Айтматова «Ранние журавли» Султанмурат живет в юрте: «Султанмурат походил немного, почему-то ему страшно было. Безлюдье, мертвая тишина, непроглядная бескрайняя ночь. Занятый делом и заботами, не замечал он, оказывается, как страшно здесь ночью в глухой степи. Он поспешил вернуться в юрту» [12, 409]. И Алтынай – героиня другой повести Ч. Айтматова «Первый учитель» – после похищения также оказывается в юрте в горном ауле: «Очнулась я в юрте. В открытый купол заглядывали ранние звезды, спокойные, ничем не потревоженные» [12, 38].

Если для героев Ч. Айтматова юрта – традиционное жилище и ее описание скорее передает этнографические особенности жизни киргизского народа, то в повести известного казахстанского писателя Б. Канапьянова «Тамга Тас (Мияно Ясуши)» юрта приобретает сакральный смысл и воспринимается как храм, передающий идею строения космоса кочевого народа. Юрта становится местом, где уставшему с дороги путнику, будь он даже находящийся вне закона военнопленный, предложат чай, накормят традиционным бешбармаком и баурсаками, дадут приют; местом, где можно наслаждаться беседой, отдыхать, слушать домбру; местом, где можно философствовать, любуясь сквозь шанырак звездным небом; местом, само пространство которого отражает философию кочевника: «Сабуро блаженствовал и был погружен в себя, попивая не спеша кыргызский зеленый чай, с интересом разглядывая убранство юрты, на самом своде которой сквозь открытое круглое отверстие – тундук были видны плывущие белые облака на голубом фоне небосвода... Мияно Ясуши, интуитивно следуя спокойствию невозмутимого Сабуро, также молча разглядывал кереге юрты с висящими шкурами волка, барса и лисицы... Мияно после горячего источника, чашки

айрана, зеленого чая в храме под название юрта готов был слушать и слушать мудрого учителя Сабуро...» [2, 74– 75].

Открытость космосу – коренной устой кочевника. Этой открытости и подчинено его жилище, которое за считанные часы может быть разобрано и перевезено в другое место. В середине XIX века известный русский путешественник, этнограф, востоковед, по почтительному выражению Ч.Ч. Валиханова «Геродот казахского народа» [14, т. 1, 164]. А.И. Левшин, впервые оказавшись в центральной части Великой степи – современном Казахстане, был поражен величиим и спокойствием открывшегося его взору пространства. Увидев людей, собиравшихся откочевывать в другие места, он спросил: «Почему вы кочуете?». Старая казашка ответила ему: «Человек должен двигаться, потому что солнце, месяц, звезды, животные, рыбы – все движется, только земля и мертвые остаются на месте» [15, 119]. Вечное движение – смысл жизни древнего кочевника, он не стоит на месте, он не строит и не разрушает, он органично «вписывается» в природу и вторит ей, он движется вместе с ней, он меняется вместе с ней, он весь подчинен ей.

Итак, в результате анализа было выявлено содержательное наполнение концепта «Юрта», которое включает следующие сегменты смысла: юрта – передвижной сборно-разборный вид жилища кочевых народов Центральной Азии; юрта – исчезающая этнореалия; юрта – дом, дающий защиту в неуютной степи; юрта – место, где сохранен дух предков; юрта – мир, в котором царят свои степные законы; юрта – начало всех начал, хранительница духовности; юрта – нравственно-эстетическое пространство, в котором в духе традиций и обычаев осуществляется формирование человека; юрта – неотъемлемая часть степи, ландшафта Центральной Азии; юрта – родное, кровное для народов Центральной Азии; юрта – отражение связи, единения человека и природы; юрта – символ гостеприимства степняка; юрта – символ вечного движения, изменения; юрта – напоминание о вечном небе и боге Тенгри; юрта – отражение сакральной связи человека, земли и неба.

Литература

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца.– М.: Институт ДИ-ДИК, 1999.
2. Канапьянов Б.М. Тамга Иссык-Куля: Повесть, фотопозма, стихи.– Алматы: Жибек жолы, 2010.
3. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т.– М.: Русский язык, т. 4, 1980.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева.– М.: Прогресс, т. 4, 1987.
6. Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство.– М.: Наука, 1964.
7. Муқанов М.С. Казахская юрта.– Алма-Ата, 1981.

8. Фиельstrup Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. Отв ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева; Ин-ут этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.– М.: Наука, 2002.
9. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов XIX – начала XX века.– Алма-Ата: Гылым, 1991.
10. Пюрвеев Д.Б. Летящие кони солнечных дорог // Искусство стран Востока. Под ред. Р.С. Васильевского.– М.: Просвещение, 1986, С. 60–93.
11. Казахские народные сказки. Сост. Т. Дауренбеков. Пер. с каз. – Алма-Ата: Жалын, 1979.
12. Айтматов Ч.Т. Ранние журавли: Повести – Алма-Ата: Жазушы, 1988.
13. Айтматов Ч.Т. Первый учитель // Библиотека киргизской прозы. Повести. – Фрунзе: Мектеп, 1986, С. 5–51.
14. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 2 т.– Алма-Ата, т. 1, 1984.
15. Ибраев Б.А. Звезды над курганами // Искусство стран Востока. Под ред. Р.С. Васильевского.– М.: Просвещение, 1986, С.119–134.